

Бертольд Брехт Винтовки Тересы Каррар

По мотивам Дж.-М. Синга
В сотрудничестве с М. Штеффин
Перевод И. Каринцевой
ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
Тереса Каррар, рыбачка.
Хосе, ее младший сын.
Педро Хакерос, брат
Тересы Каррар, рабочий.
Раненый.
Мануэла.
Священник.
Старуха Перес.
Голос генерала.
Два рыбака.
Женщины, дети.

Апрельская ночь 1937 года. Андалусская рыбачья хижина; в углу побеленной горницы - большое черное распятие. Сорокалетняя рыбачка Тереса Каррар печет хлеб. У окна ее пятнадцатилетний сын Хосе строгают колышек для сетей.

Отдаленная артиллерийская канонада.

Мать. Видна еще тебе лодка Хуана?

Мальчик. Да.

Мать. Горит еще его фонарь?

Мальчик. Да.

Мать. А другие лодки не подошли?

Мальчик. Нет.

Пауза.

Мать. Странно. Почему больше никто не рыбачит?

Мальчик. Ты ведь знаешь.

Мать (терпеливо). Если я спрашиваю - значит, не знаю.

Мальчик. Никто, кроме Хуана, не вышел в море, у всех есть дела поважнее, чем ловля рыбы.

Мать. Так.

Пауза.

Мальчик. И Хуан не вышел бы, будь его воля.

Мать. Верно. Но воля-то не его.

Мальчик (ожесточенно строгая). Нет.

Мать ставит тесто в печь, вытирает руки и берет для починки сеть.

Есть хочется.

Мать. А почему же ты не хочешь, чтобы твой брат ловил рыбу?

Мальчик. Потому что ловить рыбу и я могу, а Хуан должен быть на фронте.

Пауза.

Мать. Я думала - ты тоже хочешь на фронт?

Мальчик. Прорвутся ли пароходы с продовольствием через английскую блокаду?

Мать. У меня-то мука вся, а хлеб в печи - последний.

Мальчик закрывает окно.

Почему ты закрыл окно?

Мальчик. Уже девять часов.

Мать. Ну и что?

Мальчик. В девять этот негодяй будет выступать по радио, и Пересы включат приемник.

Мать (просит). Пожалуйста, открой скорее окно! Тебе будет плохо видно. Свет лампы отражается в окне.

Мальчик. Почему это мне здесь сидеть да следить? Не убежит он от тебя. Это ты только боишься, что он уйдет на фронт.

Мать. Не груби! И без того тошно, что мне приходится следить за вами.

Мальчик. Что значит - за вами?

Мать. Ты ничуть не лучше брата. Скорее, хуже.

Мальчик. А они радио включают вообще-то только для нас. Вот уже третий вечер. Я заметил вчера - они нарочно открыли окно, чтобы мы слышали.

Мать. Эти речи такие же, как те, что передают из Валенсии.

Мальчик. Скажи уж, что они лучше!

Мать. Ты знаешь, я не считаю их лучше. С какой стати мне быть за генералов? Я против того, чтобы лилась кровь.

Мальчик. А кто начал? Может, мы?

Мать молчит. Мальчик открывает окно. Издалека доносится: "Внимание, внимание! У микрофона его превосходительство генерал Кейпо де Льяно!" И в тишине ночи громко и резко звучит голос генерала от пропаганды,

обращающегося с вечерней речью к испанскому народу.

Голос генерала. Сегодня или завтра, друзья мои, нам предстоит решительный разговор. Поведем мы этот разговор из Мадрида, хотя, возможно, то, что будет окружать нас, уже не будет походить на Мадрид. Тогда епископ Кентерберийский не без оснований прольет крокодиловы слезы. Наши храбрые мавры сведут с ними счеты!

Мальчик. Сволочь!

Голос генерала. Друзья мои, так называемая Британская империя, этот колосс на глиняных ногах, не помешает нам разгромить столицу развращенной черни, которая смеет противиться торжеству национального дела. Мы сметем этот сброд с лица земли!

Мальчик. Это он нас имеет в виду, мама.

Мать. Мы не мятежники, и мы ничему не противимся. Вот дай вам волю, вы, верно, так бы и поступали. Ты и твой брат; у обоих от рождения ветер в голове. У вас это отцовское. Только я, пожалуй, и не хотела бы, чтобы вы были другими. Но они-то не шутят: не слышишь разве, как палят их пушки? Мы бедняки, а бедняки не могут вести войну.

Стучат. Входит рабочий Педро Хакерос, брат Тересы Каррар. Видно, что он проделал долгий путь.

Рабочий. Добрый вечер!

Мальчик. Дядя Педро!

Мать. Какими судьбами, Педро? (Подает ему руку.)

Мальчик. Ты из Мотриля, дядя Педро? Как там дела?

Рабочий. Да не очень хороши. Как вы тут живете?

Мать (сдержанно). Ничего.

Мальчик. Ты сегодня оттуда?

Рабочий. Да.

Мальчик. Это ведь добрых четыре часа ходу?

Рабочий. Больше, дороги запружены беженцами, они хотят попасть в Альмерию.

Мальчик. Но Мотриль держится?

Рабочий. Не знаю, как там сегодня. Ночью мы еще держались.

Мальчик. Почему же ты ушел?

Рабочий. Нам много кой-чего нужно для фронта. А мимоходом решил заглянуть к вам.

Мать. Выпьешь глоток вина? (Достает кувшин.) Хлеб поспеет только через полчаса.

Рабочий. А где же Хуан?

Мальчик. Рыбачит. Рабочий. Правда?

Мать. Жить-то нужно.

Рабочий. Конечно. Когда я шел по шоссе, я слышал речь этого крикуна. Кто же его здесь слушает?

Мальчик. Это Пересы, в доме напротив.

Рабочий. Они всегда включают такие передачи?

Мальчик. Нет. Они вовсе не франкисты, они включают не для себя, не думай.

Рабочий. Вот как?

Мать (сыну). Ты что же за братом-то не смотришь?

Мальчик (неохотно возвращается к окну). Не волнуйся. Из лодки не вывалился.

Рабочий (берет кувшин с вином и, подсев к сестре, помогает ей чинить сеть). Сколько, собственно, лет Хуану?

Мать. В сентябре минет двадцать один.

Рабочий. А Хосе?

Мать. У тебя какие-нибудь важные дела в наших краях?

Рабочий. Ничего особенного.

Мать. Давненько ты здесь не был.

Рабочий. Два года.

Мать. Как поживает Роса?

Рабочий. Ревматизм мучает.

Мать. Я все ждала, что вы заглянете к нам.

Рабочий. Роса на тебя чуть в обиде - из-за похорон Карло.

Мать молчит.

Она говорит, вы могли бы нас известить. Мы, конечно, пришли бы на похороны твоего мужа, Тереса.

Мать. Это случилось слишком внезапно.

Рабочий. А отчего он умер?

Мать молчит.

Мальчик. Легкое было прострелено.

Рабочий (удивленно). Как это?

Мать. Что значит - как это?

Рабочий. Да ведь два года назад здесь было тихо?

Мальчик. Смотри, из окна виден его фонарь.

Мальчик. Но в Овьедо было восстание.

Рабочий. А как же Карло попал в Овьедо?

Мать. Поехал.

Рабочий. Отсюда?

Мальчик. Да, когда о восстании написали в газетах.

Мать (с горечью). Как некоторые едут в Америку, ставя все на карту. Как вообще поступают дураки.

Мальчик (встает). Ты хочешь сказать, что он был дураком?

Мать молча, трясущимися руками откладывает сеть и выходит.

Рабочий. Она очень горевала, а?

Мальчик. Да.

Рабочий. А хуже всего для нее, верно, что не увидела его больше.

Мальчик. Она видела его, он вернулся. Вот это, пожалуй, хуже всего. Кое-как перевязанный, он натянул куртку и в Астурии еще сумел сесть в поезд. Два раза ему надо было пересаживаться, и здесь на станции он умер. Вдруг вечером у нас открылась дверь, вошли соседки, как бывает, когда приносят утонувшего, и, не сказав ни слова, стали к стене, бормоча молитву деве Марии. Потом на куске парусины внесли его и положили на пол. С тех пор мать стала бегать в церковь. А учительницу, о которой известно, что она красная, мать на порог не пускает.

Рабочий. Она и впрямь стала набожной?

Мальчик (кивает). Хуан считает, что из-за сплетен; соседи о ней разное болтают.

Рабочий. Что же болтают?

Мальчик. Будто она ему присоветовала.

Рабочий. А это верно?

Мальчик пожимает плечами. Входит мать, смотрит, не испекся ли хлеб, и принимается снова за сеть.

Мать (рабочему, который хочет ей помочь). Оставь, пей лучше вино да отдохни, ты ведь с утра на ногах.

Рабочий берет стакан и возвращается к столу.

Переночуешь у нас?

Рабочий. Нет. Мало времени, я должен сегодня вернуться. Но я умоюсь. (Уходит.)

Мать (кивком подзывая сына). Он сказал тебе, зачем пришел?

Мальчик. Нет.

Мать. Ты говоришь правду?

Рабочий возвращается, в руках у него таз и полотенце; моется.

А что, старики Лопесы еще живы?

Рабочий. Только он. (Мальчику.) Много здешних ушло на фронт?

Мальчик. Кое-кто еще остался.

Рабочий. У нас многие католики сражаются, и даже самые ярые.

Мальчик. Из наших тоже.

Рабочий. И у всех есть винтовки?

Мальчик. Нет. Не у всех.

Рабочий. Это плохо. Винтовки сейчас нужней всего. А в деревне ни у кого нет винтовок?

Мать (быстро). Нет!

Мальчик. Ну иные ведь и припрятали. Зарыли винтовки в землю, будто картошку.

Мать смотрит на мальчика.

Рабочий. Так-так.

Мальчик не спеша отходит от окна и скрывается в глубине сцены.

Мать. Ты куда это?

Мальчик. Никуда.

Мать. Вернись к окну!

Мальчик упрямо остается на месте.

Рабочий. В чем дело?

Мать. Почему ты убежал от окна? Отвечай!

Рабочий. Там кто-нибудь есть?

Мальчик (хрипло). Нет.

Дети (на улице, поют).

Наш Хуан - он не солдат,

Потому что трусоват.

Чуть его что испугало,

Прячется под одеяло.

(Появляются в окне.)

У-у! (Убегают.)

Мать (встает, идет к окну). Вот поймаю да так отлущую, что помнить будете, пакостники эдакие! (Повернувшись.) Это тоже Пересы!

Пауза.

Рабочий. Раньше ты играл в карты, Хосе. Перекинемся?

Мать садится к окну. Мальчик находит карты, и они начинают игру.

Ты и теперь еще плутуешь?

Мальчик (смеется). А что, разве бывало?

Рабочий. Да, мне так казалось. На всякий случай, дай сниму. Значит, все позволено! На

войне ведь хитрость допускается, не так ли?

Мать недоверчиво смотрит на рабочего.

Мальчик. Эх, плохой козырь.

Рабочий. Очень мило, что ты мне сказал... Эге, у него-то, оказывается, козырный туз! Ты меня обманул, не слишком ли дорого тебе это обойдется? Твоя пушка отстреляла, теперь вступят мои пулеметчики. (Бьет его карты.) Так-то бывает! Смелость - это хорошо, сын мой. Ты смел, но пока еще неосторожен!

Мальчик. Риск - благородное дело.

Мать. Такие поговорки у них от отца. "Благородный человек должен рисковать". Что?

Рабочий. Да, нашими жизнями. Дон Мигель де Ферранте в один присест проиграл семьдесят крестьян какому-то полковнику. Бедняга разорился и остаток своих дней довольствовался всего двенадцатью слугами... Смотри пожалуйста, он ходит с козырной десятки!

Мальчик. Делать нечего. (Берет взятку.) Это был мой единственный шанс.

Мать. Они все такие. Его отец прыгал в воду, если сеть запутывалась.

Рабочий. Может, у него была одна только сеть.

Мать. Но и жизнь у него была только одна!

В дверях появляется парень в форме народной милиции; голова его забинтована, рука на перевязи.

Входи же, Паоло!

Раненый. Вы сказали, я могу прийти еще раз на перевязку, сеньора Каррар.

Мать. Все опять промокло! (Выбегает.) Рабочий. Где это тебя угораздило? Раненый. У Монте Сольюве.

Мать возвращается с рубахой; разрывает ее на куски, меняет повязку, но ни на минуту не спускает глаз с сидящих за столом.

Мать. Ты опять работал!

Раненый. Только правой рукой.

Мать. Тебе же сказано, этого нельзя делать!

Раненый. Да-да... Они говорят, что сегодня в ночь прорвутся. А у нас больше нет пополнений. Может, уже прорвались?

Рабочий (с тревогой). Нет, не думаю. Было б слышно по канонаде.

Раненый. Верно!

Мать. Тебе не больно? Ты скажи. Я ведь не училась на сестру. Стараюсь как могу.

Мальчик. Под Мадридом они не пройдут.

Раненый. Неизвестно.

Мальчик. Нет, известно.

Раненый. Это хорошо. А вы, сеньора Каррар, опять изорвали совсем крепкую рубаху! Не нужно было этого делать!

Мать. Хочешь, чтоб я забинтовала тебя грязной тряпкой?

Раненый. У вас ведь и у самих не очень-то густо.

Мать. Пока есть, так есть. Ну вот. Но для второй твоей руки уже не найдется.

Раненый (смеется). Значит, в следующий раз буду осторожней! (Встает, рабочему.) Только б они не прошли, мерзавцы! (Уходит.)

Мать. Какая пальба!

Мальчик. А мы ловим рыбу.

Мать. Будьте довольны, что у вас еще кости целы.

С улицы, то нарастая, то удаляясь, доносится шум проезжающих грузовиков и пение. Рабочий и мальчик подходят к окну и выглядывают.

Рабочий. Это интернациональные бригады. Их перебрасывают в Мотриль на фронт.

Слышна песня батальона Эрнста Тельмана "Далеко она, родная страна..."

Это немцы.

Слышно несколько тактов "Марсельезы".

Французы.

"Варшавянка".

Поляки.

"Бандьера росса".

Итальянцы.

"Hold the Fort".

Американцы.

"Los cuatros generales".

А это наши.

Шум грузовиков и пение затихает. Рабочий и мальчик опять подходят к столу.

Сегодняшняя ночь все решит... Ну, мне пора. Это была последняя партия, Хосе. Мать (подходя к столу). Кто же выиграл?

Мальчик (гордо). Он.

Мать. Так, значит, не стелить тебе?

Рабочий. Нет, мне надо идти. (Продолжает сидеть.)

Мать. Кланяйся Росе. И пусть не сердится. Никто не знает, что нам предстоит.

Мальчик. Я провожу тебя немного.

Рабочий. Не надо. Мать (высовывается в окно). Ты, верно, хотел бы повидать Хуана?

Рабочий. Да, очень. Но он ведь не скоро вернется?

Мать. Он довольно далеко. Почти у самого мыса. (Обернувшись.) Можно позвать его.

В дверях появляется молоденькая девушка.

Мальчик. Здравствуй, Мануэла! (Тихо, рабочему.) Это подруга Хуана Мануэла. (Мануэле.) Это дядя Педро.

Девушка. Где Хуан?

Мать. Хуан работает.

Девушка. А мы думали - вы отвели его в детский сад играть в мячик.

Мать. Нет, он рыбачит. Хуан рыбак.

Девушка. А почему он не явился на собрание в школу? Там были и рыбаки.

Мать. Нечего ему там делать.

Мальчик. А что за собрание?

Девушка. Мы решили, что все, кто может, уйдут на фронт еще сегодня ночью. Но вы ведь знали, в чем дело. Мы известили Хуана.

Мальчик. Этого не может быть! Тогда Хуан ни за что бы не выехал. Или они тебе сказали, мать?

Мать молчит. Она по пояс залезла в печь.

Она просто не передала ему! (Матери.) Теперь я знаю, почему ты послала его рыбачить!

Рабочий. Тебе не следовало этого делать, Тереса.

Мать (выпрямившись). Бог дал каждому свое дело. Мой сын - рыбак.

Девушка. Вы что ж, хотите, чтобы над нами вся деревня смеялась? Куда б я ни пошла, на меня указывают пальцами. Я уже имени Хуана слышать не могу. Да что вы вообще за люди?

Мать. Мы бедные люди.

Девушка. Правительство призвало всех боеспособных мужчин взяться за оружие. Не уверяйте, что вы этого не читали!

Мать. Я читала это. Но правительство правительством, а на живодерню нас сволокнут. Ну я-то уж добровольно своих детей на живодерню не свезу.

Девушка. Нет! Вы ждете, когда их поставят к стенке. Подобной глупости свет не видел. Такие, как вы, и виноваты, что дело зашло так далеко и этот негодяй Льяно смеет разговаривать с нами подобным тоном!

Мать (нерешительно). Я не потерплю таких слов у себя в доме.

Девушка (вне себя). Она уже сейчас радуется за генералов!

Мальчик (с досадой). Нет! Но она не хочет, чтобы мы сражались. 288

Рабочий. Хочешь остаться в стороне, а? Мать. Я знаю, вы хотите сделать из моего дома гнездо заговорщиков. Пока не увидите Хуана у стенки, не успокойтесь!

Девушка. И это о вас говорили, что вы помогли мужу, когда он поехал в Овьедо!

Мать (тихо). Придержите язык! Я не помогала мужу. Уж в таком-то деле наверно! Я знаю, на меня наговаривают, но это все ложь. Грязная ложь! Это каждый может подтвердить.

Девушка. На вас вовсе ничего не наговаривают, сеньора Каррар. Об этом говорят с глубоким уважением. Все деревне известно, что Карло Каррар был героем. Но ему пришлось, верно, ночью улизнуть из дому. Теперь мы это знаем.

Мальчик. Мой отец не улизнул из дому, Мануэла.

Мать. Молчи, Хосе.

Девушка. Передайте вашему сыну, что я не хочу иметь с ним ничего общего. И пусть не обходит меня стороной, пусть не боится, что спрошу, почему это он еще не там, где должен быть. (Уходит.)

Рабочий. Напрасно ты отпустила девушку. Прежде ты не поступила бы так, Тереса.

Мать. Я все та же. Они, наверно, поспорили, что вытолкнут Хуана на фронт. Я его кликну домой. Или позови-ка его ты, Хосе! Нет, постой, лучше я сама пойду. Я скоро вернусь. (Уходит.)

Рабочий. Послушай, Хосе, ты же не дурак, тебе не нужно все разжевывать. Короче, где они?

Мальчик. Что?

Рабочий. Винтовки!

Мальчик. Отцовские?

Рабочий. Должны же они быть здесь. Ведь не мог он взять эти штуки с собой в поезд, когда уезжал.

Мальчик. Ты пришел за ними?

Рабочий. А то зачем же?

Мальчик. Она никогда не отдаст их. Она их спрятала.

Рабочий. Где?

Мальчик показывает в угол комнаты.

Рабочий (встает и хочет подойти туда, но, услышав шаги, быстро садится). Молчок!

Мать входит с местным священником. Это высокий, плотный мужчина в сильно поношенной сутане.

Священник. Добрый вечер, Хосе! (Рабочему.) Добрый вечер!

Мать. Это мой брат из Мотриля, падре.

Священник. Рад познакомиться. (Матери.) Должен извиниться, что опять прихожу к вам с просьбой. Не могли бы вы завтра в обед зайти к Турильосам? Там дети остались одни, мать ушла к мужу на фронт.

Мать. С удовольствием.

Священник (рабочему). Что привело вас в наши края? Я слышал, из Мотриля сюда уже трудно добираться?

Рабочий. Здесь пока совсем тихо, а?

Священник. Простите? Да.

Мать. Мне кажется, падре спросил, что привело тебя сюда?

Рабочий. Хотелось повидаться с сестрой.

Священник (ободряюще смотрит на мать). Это прекрасно, что вы решили повидаться с сестрой. Вы уже, наверно, заметили, что ей живется нелегко!

Рабочий. Надеюсь, она хорошая прихожанка?

Мать. Выпейте стакан вина. Падре заботится о детях, чьи родители ушли на фронт. Вы, верно, опять целый день на ногах? (Ставит перед священником кувшин с вином.)

Священник (садится, берет кувшин). Хотел бы я знать, кто оплатит мне мои башмаки.

В эту минуту у Пересов опять заговорило радио. Мать хочет закрыть окно.

Оставьте окно открытым, сеньора Каррар! Они видели, как я вошел сюда. Они в обиде на меня, что я не на баррикадах, и они время от времени угощают меня этими речами.

Рабочий. Вам это очень мешает?

Священник. Откровенно говоря, да. Но окно вы можете оставить открытым.

Голос генерала. ...Но всем известна дьявольская ложь, которой эти господа пытаются очернить национальное дело. Мы не платим господину епископу Кентерберийскому так хорошо, как красные, зато можем назвать ему десять тысяч священников, которым его уважаемые друзья перерезали глотки. Да будет известно этому господину, даже если мы не подкрепляем наши слова чеком, что национальная армия при своем победоносном продвижении находила множество складов бомб и пулеметов, но нигде ни одного оставшегося в живых священника.

Рабочий протягивает священнику пачку сигарет. Священник, который вообще не курит, улыбаясь, берет сигарету.

Хорошо, впрочем, что правое дело побеждает и без господ епископов, пока оно опирается на превосходные самолеты. На таких людей, как генерал Франко, генерал Мола...

Передача резко обрывается.

Священник (добродушно). Слава богу, Пересы сами не выдерживают больше трех фраз! Я считаю, что такие речи не могут произвести благоприятное впечатление.

Рабочий. Тем не менее мы слышали, что и Ватикан распространяет подобное вранье.

Священник. Это мне неизвестно. (Удрученно.) По-моему, не дело церкви представлять черное белым, а белое черным.

Рабочий (поглядывая на мальчика). Конечно, нет.

Мать (быстро). Мой брат сражается в рядах милиции, падре.

Священник. С какого участка фронта вы пришли?

Рабочий. Из Малаги.

Священник. Там ужасно, да?

Рабочий молча курит.

Мать. Брат не считает меня доброй испанкой. Он хочет, чтобы я отпустила Хуана на фронт.

Мальчик. И меня тоже! Мы должны быть на фронте!

Священник. Вы знаете, сеньора Каррар, что по совести и разумению моему я считаю ваше поведение правильным. Низшие служители церкви во многих местностях поддерживают законное правительство. Из восемнадцати епархий Бильбао семнадцать объявили о своей верности правительству. Немало моих собратьев сражается на фронте. Некоторые уже пали. Но сам я не боец. Господь бог не дал мне дара просто и доходчиво призывать прихожан к бою за... (он ищет слова) что-либо. Для меня закон - заповедь господя нашего: не убий! Я не богатый человек. Я не владею монастырем и делю с моей общиной то небольшое, что у меня есть. Возможно, это единственное, что способно в нынешние времена придать силу моим словам.

Рабочий. Конечно. Только вопрос-то вот в чем. Разве вы не боец? Поймите меня. Если вы, к примеру, - крикнете под руку человеку, которого убивают и который хочет защищаться: "Не убий!" - и его зарежут, словно курицу, - разве вы не примете участия в борьбе, я имею в виду - на свой лад? Я думаю, вы извините, что я так говорю.

Священник. Пока что я принимаю в ней участие- голодаю вместе со всеми.

Рабочий. А как вы считаете, можем мы опять обрести наш хлеб насущный, о котором вы ежедневно молитесь?

Священник. Этого я не знаю, я могу только молиться.

Рабочий. Тогда вам будет интересно узнать, что богу было угодно этой ночью повернуть пароходы с продовольствием.

Мальчик. Это верно? Мать, пароходы ушли обратно!

Рабочий. Да, это и есть нейтралитет. (Неожиданно.) Вы тоже за нейтралитет?

Священник. Что вы имеете в виду?

Рабочий. Ну, за невмешательство! А раз вы за невмешательство, вы, в сущности, одобряете кровавую баню, которую устроили генералы испанскому народу.

Священник (протестуя, поднимает руки). Я этого не одобряю!

Рабочий (смотрит на него, прищутив глаза). Оставайтесь так на секунду. Вот так, подняв руки над головой, вышли пять тысяч наших в Бадахосе из осажденных домов. Вот так, с поднятыми руками, их и перестреляли.

Мать. Как можешь ты так говорить, Педро!

Рабочий. Мне только пришло в голову, Тереса, что этот жест, когда чего-то не одобряют, ужасно напоминает жест, означающий капитуляцию. Мне приходилось читать, что люди, умывающие руки, умывают их в крови. Потом по рукам видно.

Мать. Педро!

Священник. Оставьте, сеньора Каррар. Умы в такие времена возбуждены. Мы опять будем спокойнее рассуждать, когда все это кончится.

Рабочий. А разве нас не следует стереть с лица земли, - ведь мы же развращенная чернь!

Священник. Кто говорит это?

Рабочий. Да этот крикун. Вы не слышали? Вы все еще мало слушаете радио.

Священник (пренебрежительно). Ах, генерал...

Рабочий. Не говорите "ах, генерал". Чтобы стереть нас с лица земли, он купил все отребье Испании, не говоря уже о маврах, итальянцах и немцах.

Мать. Какой позор, что они ввозят к нам всех, кто готов продаться.

Священник. А вы не допускаете, что и на другой стороне могут быть честные, преданные идее люди?

Рабочий. Не знаю только, какие у них могут быть идеи.

Пауза.

Священник. Мне еще надо заглянуть к Турильосам.

Рабочий. Разве вы не считаете, что палата депутатов, в которой правительство имело такое большинство, была избрана честным путем?

Священник. Именно так я и считаю.

Рабочий. Вот я говорил вам: если человеку, который защищается, крикнуть под руку - так ведь я имел в виду буквально руку. Мы действительно сражаемся, чуть ли не голыми руками, без оружия...

Мать (прерывая его). Не стоит начинать все снова, это ни к чему.

Священник. Человек, как известно, рождается без оружия. Создатель не вкладывает ему оружия в руки, когда он рождается на свет из материнского лона. Я знаком с учением, что все страдания в мире происходят оттого, что у рыбака и рабочего - ведь вы рабочий, я полагаю, - нет ничего, кроме их рук, чтобы добывать себе средства к существованию. Но ведь в писании нигде не сказано, что мир этот совершенен. Наоборот, он полон страданий, греха и угнетения. Благо тому, кто послан на свое несчастье, послан в мир невооруженным, но может хотя бы покинуть его без оружия в руках.

Рабочий. Прекрасно сказано. Мне нечего возразить против того, что звучит так прекрасно. Хотел бы я, чтобы это произвело впечатление и на генерала Франко. Самое печальное, что генерал Франко, вооруженный до зубов, не проявляет ни малейшего желания покинуть этот мир. Мы бы швырнули вслед ему все оружие Испании, только бы он покинул этот мир. Его летчики сбрасывают листовки, я подобрал одну на улице в Мотриле. (Достает из кармана листовку.)

Священник, мать и мальчик читают ее.

Мальчик (матери). Видишь, они и здесь повторяют, что уничтожат все.

Мать (читая). Этого они не могут.

Рабочий. Отчего же, могут. Как вы считаете, падре?

Мальчик. Да.

Священник (неуверенно). Я считаю, что технически они, может быть, и в состоянии это

сделать. Но если я правильно понял сеньору Каррар, она полагает, что дело не в одних самолетах. Они угрожают в своих листовках только для того, чтобы население поняло всю серьезность положения. Другое дело выполнить эту угрозу из военных соображений.

Рабочий. Я вас не совсем понимаю.

Мальчик. И я тоже.

Священник (еще неувереннее). По-моему, я говорю ясно,

Рабочий. Слова у вас ясные, а вот мнение ваше ни мне, ни Хосе не ясно. Так вы считаете, они не будут бомбить?

Короткая пауза.

Священник. Я считаю это только угрозой.

Рабочий. Которую не приведут в исполнение?

Священник. Да.

Мать. Насколько я понимаю эту листовку, они хотят предотвратить кровопролитие и предупреждают нас, чтобы мы не поднимали оружия.

Мальчик. Генералы - и предотвратить кровопролитие!

Мать (протягивая ему листовку). Вот, они же пишут - кто сложит оружие, того они не тронут.

Рабочий. В таком случае я хочу задать вам, падре, еще один вопрос: верите ли вы, что того, кто сложит оружие, действительно не тронут?

Священник (озирается, словно ища помощи). Говорят, генерал Франко всегда подчеркивает, что он христианин.

Рабочий. И это значит, что он сдержит свое обещание?

Священник (горячо). Он должен его сдержать, сеньор Хакерос!

Мать. Тому, кто не сражается, ничего не будет.

Рабочий. Падре... простите, не знаю вашего имени...

Священник. Франсиско.

Рабочий (продолжая). ...падре Франсиско, я, собственно говоря, спрашиваю не что должен делать, по вашему мнению, генерал Франко, а что он, по вашему мнению, сделает. Вы понимаете мой вопрос?

Священник. Да.

Рабочий. Вы понимаете, что я спрашиваю вас как христианина или, скажем, как человека, который не владеет монастырем, как вы выразились, и который скажет правду, если речь пойдет о жизни и смерти. Ведь именно об этом и идет речь. Не так ли?

Священник (волнуясь). Я понимаю вас.

Рабочий. Может быть, я помогу вам ответить, напомнив о событиях в Малаге?

Священник. Я знаю, что вы имеете в виду. Но уверены ли вы, что в Малаге не оказали сопротивления?

Рабочий. Знаете ли вы, что пятьдесят тысяч беженцев - мужчины, женщины и дети, растянувшиеся на двести двадцать километров по шоссе на Альмерию, были скошены орудиями кораблей, бомбами и пулеметами воздушных эскадрилий Франко!

Священник. Быть может, это газетные выдумки?

Рабочий. Такие же как о расстрелянных священниках?

Священник. Такие же как о расстрелянных священниках.

Рабочий. Значит, беженцев не скошили огнем?

Священник молчит.

Сеньора Каррар и ее сыновья не поднимают оружия против генерала Франко. Значит, сеньора Каррар и ее сыновья в безопасности?

Священник. Здравомысленно...

Рабочий. Да? Здравомысленно?

Священник (взволнованно). Уж не хотите ли вы, чтобы я дал гарантию?

Рабочий. Нет. Скажите только ваше истинное мнение. Сеньора Каррар и ее сыновья в безопасности?

Священник молчит.

Я думаю, мы понимаем ваш ответ. Вы честный человек.

Священник (встает, смущенный). Итак, сеньора Каррар, я могу рассчитывать, что вы присмотрите за детьми Турильосов?

Мать (также очень смущенная). Я и поесть им принесу. Спасибо, что навестили нас.

Священник уходит, кивнув рабочему и мальчику. Мать провожает его.

Мальчик. Вот ты сам слышал, что они ей внушают! Но ты не уходи без винтовок.

Рабочий. Где они? Живо!

Они идут в глубь комнаты, отодвигают ларь и взламывают пол.

Мальчик. Но ведь она сейчас вернется!

Рабочий. Мы поставим винтовки к окну, оттуда я их заберу потом.

Они поспешно вынимают винтовки из ящика. Маленькое потертое знамя, в которое они были завернуты, падает на пол.

Мальчик. Вот и маленькое знамя тех времен! Я удивляюсь, как мог ты спокойно сидеть, когда дело такое срочное.

Рабочий. Я должен был их раздобыть.

Они осматривают винтовки. Мальчик неожиданно достает из кармана шапочку бойца народной милиции и с торжествующим видом надевает ее.

Откуда она у тебя?

Мальчик. Выменял. (Бросив опасливый взгляд на дверь, засовывает ее опять в карман.)

Мать (входит). Положите винтовки на место! Так вот, оказывается, зачем ты пришел?

Рабочий. Да, они нужны нам, Тереса. Мы не можем сдержать генералов голыми руками.

Мальчик. Теперь ты и от самого падре слышала, как обстоит дело.

Мать. Если ты пришел, чтобы получить винтовки, то тебе здесь больше нечего делать. И если вы не оставите нас в покое в моем доме, я возьму детей и уйду.

Рабочий. Тереса, ты видела когда-нибудь нашу страну на карте? Мы живем как на разбитой тарелке. Там, где линия излома, - это вода, по краям тарелки стоят орудия. А над нами - бомбардировщики. Куда ты побежишь, как не под пушки?

Мать (подходит к нему, берет у него из рук винтовки и уносит). Вы не получите винтовок, Педро!

Мальчик. Отдай их ему, мать! Здесь они только ржавеют!

Мать. Молчи, Хосе! Что ты понимаешь в этом!

Рабочий (опять спокойно уселся на стул и закурил). Тереса, ты не имеешь права прятать винтовки, принадлежавшие Карло.

Мать (укладывая винтовки). По праву или без права - я вам их не отдам! Это вы не имеете права взламывать мой пол и против моего желания уносить что-нибудь из моего дома.

Рабочий. Винтовкам вовсе не обязательно быть в доме. Не хочу говорить при твоём сыне, что я о тебе думаю. Не будем говорить и о том, что подумал бы о тебе твой муж. Он-то сражался. Я понимаю - ты от страха за своих мальчиков потеряла голову. Но с этим мы ведь считаться не можем.

Мать. Что это значит?

Рабочий. Это значит, что без винтовок я не уйду. Уж будь уверена.

Мать. Раньше убей меня.

Рабочий. Этого я не сделаю. Я ведь не генерал Франко. Я только поговорю с Хуаном. Тогда я наверняка их получу.

Мать (быстро). Хуан не вернется.

Мальчик. Ты же его позвала!

Мать. Я не звала его. Я не хочу, чтобы он видел тебя, Педро.

Рабочий. Я так и думал. Но я то, что же, немой? Спустишь к морю и крикну ему. Довольно будет одного слова, Тереса; я знаю Хуана. Он не трус. И тебе не удастся удержать

его.

Мальчик. Я тоже пойду.

Мать (очень спокойно). Оставь моих детей в покое, Педро. Я сказала им, что повешусь, если они уйдут. Я знаю, что это грех, за который уготовано вечное проклятье. Но я не могу иначе. Когда Карло умер, так ужасно умер, я пошла к падре, иначе я уже тогда повесилась бы. Я понимала, что тоже виновата, хотя из нас двоих он был хуже - горячий сторонник насилия. Нам живется нелегко; и не так-то просто терпеть все лишения. Но насилием ничего не добьешься. Это я поняла, когда они принесли его и положили здесь на пол. Я не за генералов, никто не смеет сказать этого обо мне. Но если я буду держаться в стороне и смирю свое сердце, может быть, они пощадят нас. Расчет мой очень прост. Ведь мне так мало надо. Я не хочу больше видеть это зная. Довольно с нас горя. (Молча подходит к маленькому знамени, поднимает его и рвет на куски. Потом тотчас нагибается, собирает клочки и засовывает их в карман.)

Рабочий. Уж лучше б ты повесилась, Тереса.

Стучат. Входит старуха Перес, вся в черном.

Мальчик (рабочему). Это сеньора Перес.

Рабочий (шепотом). Что они за люди?

Мальчик. Хорошие люди. Радио как раз у них. Их дочь на прошлой неделе погибла на фронте.

Старуха Перес. Я, знаете ли, нарочно ждала, пока уйдет падре. Решила зайти потолковать. Хотела сказать, что я не согласна со своими, когда они досаждают вам за ваши взгляды.

Мать молчит.

(Садится.) Вы боитесь за своих сыновей, сеньора Каррар. Люди ведь не считаются с тем, как трудно в наше время вырастить детей. Я родила семерых. (Обращается и к рабочему тоже, с которым ее не познакомили.) Не так-то много их осталось теперь, после гибели Инес. Двоих я и до шести лет не довела. Это были голодные годы - девяносто восьмой и девяносто девятый. Об Андреа я и не знаю, где он. Последний раз он писал из Рио. Это в Южной Америке. Марианна в Мадриде. Тоже все жалуется. Она никогда не отличалась здоровьем. Мы-то, старики, все думаем, что после нас другое племя пошло, слабенькое.

Мать. Но у вас остался Фернандо.

Старуха Перес. Да.

Мать (смущенно). Извините, я не хотела вас обидеть,

Старуха Перес (спокойно). Не надо извиняться. Я знаю, что вы не хотели меня обидеть.

Мальчик (шепотом, рабочему). Он у Франко.

Старуха Перес (тихо). Мы не говорим больше о Фернандо. (После небольшой паузы.) Знаете, вы только тогда поймете наших ребят, когда представите себе, как мы горюем о нашей Инес.

Мать. Мы все очень любили Инес. (Рабочему.) Она научила Хуана читать.

Мальчик. И меня тоже!

Старуха Перес. Все считают, что вы за тех, А я всегда спорю. Мы-то ведь знаем разницу между богатством и нищетой.

Мать. Я не хочу, чтобы мои дети стали солдатами. Они не убойный скот.

Старуха Перес. Знаете, сеньора Каррар, я Всегда говорю: бедняку нельзя застраховаться. Так или иначе, а попадает всегда ему. Те, кому попадает, это и есть бедняки. Бедняков, сеньора Каррар, не спасет никакая предосторожность. Инес была как раз самая тихая из наших детей. Мой муж немало помучился с ней, пока она решилась поплыть первый раз!

Мать. А ведь она могла бы жить.

Старуха Перес. Но как?

Мать. Почему ваша дочь, учительница, взяла винтовку и сражалась с генералами?

Рабочий. Которых даже папа римский финансирует!

Старуха Перес. Она говорила, что хочет и дальше быть учительницей.

Мать. Но разве она не могла оставаться учительницей в Малаге, в своей школе? Что ей эти генералы?

Старуха Перес. Мы говорили с ней. Отец ее семь лет не курил, а братья и сестры за все эти годы не получали ни капли молока, только чтобы она могла стать учительницей. И вот Инес заявила: она не может учить, что дважды два пять и что генерал Франко послан богом.

Мать. Если бы ко мне пришел Хуан и сказал, что при генералах он не может рыбачить, я бы открыла ему глаза. Вы считаете, что скупщики перестанут драть с нас шкуру, если мы прогоним генералов, а?

Рабочий. Я думаю, им придется туговато, если у нас будут винтовки.

Мать. Значит, опять винтовки? Стрельба так и будет продолжаться?

Рабочий. Кто же об этом говорит? Когда тебя хватают акулы, разве это ты насильничаешь? Мы, что ли, выступили на Мадрид, или генерал Мола пришел к нам через горы? Два года у нас было немного свету, совсем немного, это не был еще даже рассвет, но теперь снова вот-вот наступит ночь. Мало того. Учительницы не только не посмеют больше говорить детям, что дважды два четыре, теперь их будут истреблять, если они когда-нибудь это говорили. Разве ты не слышала, как он сказал сегодня, что нас надо стереть с лица земли?

Мать. Только тех, кто взялся за оружие. Нечего вам на меня наседать. Не могу я спорить с вами со всеми. Сыновья смотрят на меня, как на полицейского. Когда в ларе нет муки, я по их лицам вижу, что виновата я. А когда появляются самолеты, сыновья мои смотрят в сторону, будто это я их послала. И почему молчит падре, когда ему бы надо говорить? На меня смотрят, как на сумасшедшую, раз я считаю, что генералы тоже люди, очень плохие, но ведь они - не землетрясение, с которым нельзя договориться! Зачем приходите вы ко мне в дом, сеньора Перес, и пытаетесь мне что-то втолковать? Или вы думаете, я сама не знаю всего, что вы говорите? Ваша уже мертва, теперь пусть и мои погибнут? Этого вы хотите, да? Все вы вламываетесь ко мне в дом, словно сборщики налогов, но я свое уже заплатила.

Старуха Перес (встает). Сеньора Каррар, я не хотела вас сердить. Я не согласна с мужем, что вас надо силой заставить. Мы все очень уважали вашего мужа, и я хотела извиниться перед вами, что наши вас беспокоят. (Уходит, кивнув рабочему и мальчику.)

Пауза.

Мать. Хуже всего, что своей настойчивостью они доводят человека до белого каления - говоришь вещи, которых вовсе и не думаешь. Ведь я же не против Инес!

Рабочий (гневно). Нет, ты против Инес! Раз ты ей не помогла, ты против нее! Ты говоришь еще, что ты не за генералов. Это тоже неправда, понимаешь ты это или нет. Не помогая нам бороться с ними, ты - за них. Ты не можешь оставаться в стороне, Тереса!

Мальчик (внезапно подходя к ней). Уступи же, мама, ничего тебе не поможет! (Рабочему.) Ну вот, она села на ларь, чтобы мы не могли достать их. Ну позволь же, мама!

Мать. Утри-ка лучше нос, Хосе!

Мальчик. Мама, я пойду с дядей Педро! Я не буду ждать, пока нас здесь переколют, как свиней. Ты не можешь запретить мне сражаться, как запретила курить! Филиппо не умеет бросать камни так метко, как я, а он уже там; Андреа моложе меня на год уже погиб. Яне позволю, чтобы вся деревня надо мной смеялась!

Мать. Да, я знаю. Малыш Паоло обещал какому-то шоферу своего дохлого крота, если он возьмет его на фронт. Смешно!

Рабочий. Это не смешно.

Мальчик. Скажи Эрнесто Турильо, пусть возьмет себе мою маленькую лодку... Пойдем, дядя Педро! (Хочет идти.)

Мать. Никуда ты не пойдешь!

Мальчик. Нет, я пойду! Ты говоришь, что тебе нужен Хуан, но тогда я тебе ни к чему.

Мать. Я не потому удерживаю Хуана, чтобы он для меня рыбачил. Я тебя не отпущу! (Подбегает к сыну и обнимает его.) Кури, если хочешь, и, если хочешь, - выходи один на

рыбную ловлю, я ничего не скажу, - и даже в отцовской лодке!

Мальчик. Пусти, мама!

Мать. Нет, не пушу!

Мальчик (вырываясь). Нет, я иду! Живо, бери винтовки, дядя!

Мать. Ох! (Отпускает сына и отходит в сторону, прихрамывая.)

Мальчик. Что с тобой?

Мать. Какое тебе дело, что со мной? Ступай! Мать свою ты, во всяком случае, победил.

Мальчик (недоверчиво). Я же не дрался. Ничего я тебе не сделал.

Мать (растирая ногу). Ничего! Ступай!

Рабочий. Может, я могу вправить вывих.

Мать. Нет, уходи! Уходи из моего дома! Это ты подстрекаешь моих детей, чтоб они бросались на меня...

Мальчик (гневно). Я на нее бросился!.. (Уходит, побледнев от гнева, в глубь комнаты.)

Мать. Ты еще станешь преступником! Почему вы не отбираете у меня последний хлеб из печи? Вы можете привязать меня к стулу! Вас же двое!

Рабочий. Брось притворяться!

Мать. Хуан тоже сумасшедший, но он не тронул бы мать! Он вам покажет, когда вернется! Хуан! (Вдруг встает, охваченная какой-то мыслью, и бежит к окну. При этом она забывает хромать, и мальчик с возмущением показывает на ее ноги.)

Мальчик. Нога-то вдруг зажила!

Мать (выглядывает из окна). Ничего не понимаю, не вижу его фонаря!

Мальчик (ворчливо). Куда же ему деться?

Мать. Нет, он и впрямь исчез!

Мальчик (подходит к окну, выглядывает; изменившимся голосом, рабочему). Да, фонарь исчез! Он был почти у самого мыса. Сбегаю-ка я к морю. (Быстро уходит.)

Рабочий. Наверно, гребет сюда.

Мать. Тогда бы я видела фонарь.

Рабочий. Так что же случилось?

Мать. Я знаю, что! Она вышла к нему в море!

Рабочий. Кто? Эта девушка? Этого не может быть!

Мать. Ну конечно же! Они его увели! (С возрастающим волнением.) Да это заговор! Ловко подстроено! Весь вечер они подсылали сюда одного за другим, чтобы я не следила! Это убийцы! Все, все они заодно!

Рабочий (полушутя, полусердито). Падре-то, во всяком случае, не они послали!

Мать. Они не успокоятся, пока всех не заполучат!

Рабочий. Ты что, думаешь, что он на фронт ушел?

Мать. Они - его убийцы, но и он не лучше! Сбежать украдкой, ночью! Видеть его больше не хочу!

Рабочий. Не понимаю тебя, Тереса. Разве ты не чувствуешь, что только губишь сына тем, что пытаешься удержать. Он не поблагодарит тебя.

Мать (рассеянно). Не ради себя я говорила ему, чтобы он не смел сражаться.

Рабочий. Не сражаться за нас, Тереса, - это не просто не сражаться, это - сражаться за генералов.

Мать. Если он и вправду это сделал и вступил в милицию, так будь он проклят! Пусть они искрошат его своими бомбами! Пусть раздавят своими танками! Пусть знает, что господь не позволит издеваться над собой. И что бедняк не может идти против генералов. Я не для того родила его, чтобы он, притаившись за пулеметом, подстерегал своих ближних. Если в мире есть несправедливость, то не я учила его быть соучастником! А вернется, я не открою ему двери в награду за то, что победил генералов! Я скажу ему, скажу через дверь, что не потерплю у себя в доме никого, кто запачкал себя кровью. Я отсеку его, как больную ногу. Я сделаю это. Одного они мне уже принесли. Тот тоже думал, что ему посчастливится. Но/ нам нет счастья. Быть может, и вы это поймете, прежде чем генералы покончат с нами.

Взявший меч от меча и погибнет.

За стеной слышно бормотание, дверь открывается, входят три женщины со сложенными на груди руками, бормоча молитву деве Марии. Они становятся у стены, и через открытую дверь два рыбака вносят на пропитанном кровью парусе мертвого Хуана Каррара. За ними идет смертельно бледный Хосе. В руках у него шапка брата. Рыбаки кладут мертвого на пол. Один держит фонарь Хуана. Пока мать сидит, словно окаменев, а женщины молятся все громче, рыбаки вполголоса

рассказывают рабочему, что произошло.

Первый рыбак. Это был один из их катеров с пулеметами. Проходя мимо, они просто подстрелили его.

Мать. Этого не может быть! Это ошибка! Он же выехал рыбачить!

Рыбаки молчат. Мать падает. Рабочий поднимает ее.

Рабочий. Он ничего и не почувствовал.

Мать (опускается на колени подле мертвого). Хуан!

Некоторое время слышны только бормотание молящихся женщин и глухие оружейные раскаты вдалеке.

Может, положите его на ларь? Рабочий и рыбаки поднимают мертвого, несут в глубь сцены и кладут на сундук. Парус остается на полу. Громче и внятнее становятся голоса молящихся. Мать

берет мальчика за руку и идет с ним к мертвому.

Рабочий (вернувшись на авансцену к рыбакам). Он был один? Других лодок там не было?

Первый рыбак. Нет. Но вот он был на берегу. (Показывает на второго рыбака.)

Второй рыбак. Они даже не, окликнули его. Только пошарили прожектором, а потом его фонарь упал в лодку.

Рабочий. Но должны же они были видеть, что он просто рыбачил?

Второй рыбак. Да, это они должны были видеть.

Рабочий. И он ничего не крикнул им?

Второй рыбак. Я бы услышал.

Мать подходит, в руках у нее шапка Хуана, которую принес мальчик.

Мать (просто). Всею виной шапка.

Первый рыбак. Как так?

Мать. Поношенная. Таковую не наденут господа.

Первый рыбак. Но ведь не могут же они палить во всякого, на ком поношенная шапка!

Мать. Могут. Это не люди. Это проказа, их надо выжечь, как проказу. (Молящимся женщинам, вежливо.) Я просила бы вас уйти. Мне еще много надо сделать, со мной останется мой брат.

Все посторонние уходят.

Первый рыбак. Лодку мы привязали.

Мать (когда все уходят, поднимает парус и смотрит на него). Я только что разорвала знамя, а они принесли мне другое. (Несет парус в глубь комнаты и прикрывает им мертвого.)

Внезапно отдаленный грохот орудий становится громче.

Мальчик (апатично). Что это?

Рабочий (с тревогой). Прорыв! Я должен идти!

Мать (подходя к печи, громко). Достаньте винтовки! Собирайся, Хосе! Хлеб уже тоже готов.

Пока рабочий достает винтовки, она открывает печь, вынимает хлеб, завязывает его в платок, становится рядом с братом и сыном, берет в руки винтовку.

Мальчик. И ты с нами?

Мать. Да, за Хуана.

Идут к двери.

ПРИМЕЧАНИЕ

Эта небольшая пьеса была написана в первый год гражданской войны в Испании для немецкой труппы, игравшей в Париже. Она принадлежит к аристотелевской драматургии (драматургии вживанья). Отрицательные стороны этой техники можно до известной степени сгладить, если сопроводить спектакль документальным фильмом об испанских событиях или каким-нибудь пропагандистским мероприятием.

КОММЕНТАРИИ

Переводы пьес сделаны по изданию: Bertolt Brecht, Stucke, Bande I-XII, Berlin, Auibau-Verlag, 1955-1959.

Статьи и стихи о театре даются в основном по изданию: Bertolt Brecht. Schriften zum Theater, Berlin u. Frankfurt a/M, Suhrkamp Verlag, 1957.

ВИНТОВКИ ТЕРЕСЫ КАРРАР

(Die Gewehre der Frau Carrar)

Пьеса написана в 1937 г., тогда же издана. На русский язык была переведена в 1956 г. И. Кариниевой и вошла в однотомник пьес Брехта (издательство "Искусство").

Брехт указывает, что при написании пьесы он воспользовался идеей ирландского драматурга Синга. Однако черты сходства между пьесой Синга "Riders to the Sea" и пьесой Брехта установить трудно. Видимо, пьеса Синга натолкнула Брехта на какие-то мысли, но в итоге он создал абсолютно самостоятельное произведение.

Пьеса была написана в разгар гражданской войны в Испании и имела своей целью мобилизовать общественное мнение в европейских странах на защиту дела республиканской Испании. Работая над пьесой, Брехт собирал газетные вырезки, тщательно изучал ход военных действий, обстановку на фронтах и особенно интересовался событиями в районе Бильбао. Первоначально пьеса называлась "Генералы над Бильбао".

Направленная против философии аполитичности и нейтрализма, пьеса Брехта заключала в себе очень тонкую и дифференцированную трактовку этого многосложного явления. Брехт прежде всего выступал против капитулянтских настроений среди части трудящихся (Тереса Каррар), то есть против обывательского неверия в целесообразность и успех антифашистского Сопротивления и против иллюзорных надежд ценой смирения и покорности вымолить себе пощаду у фашистских палачей. Одновременно Брехт развенчивал и идеи пацифизма и непротивления злу по религиозно-философским мотивам (священник). Наконец, пьеса заключала в себе решительное осуждение циничной "политики невмешательства", провозглашаемой правительствами буржуазно-демократических государств. Таким образом, теория и практика нейтрализма рассматривалась в пьесе в трех аспектах: нейтрализм как следствие неразвитости классового сознания, то есть политической темноты и непросвещенности, нейтрализм из религиозно-этических соображений и, наконец, нейтрализм из недостойных политиканских расчетов.

Идейный урок, заключенный в упрямой слепоте и трагическом прозрении Тересы Каррар, приобрел еще более широкое значение в последующие месяцы, когда осуществились новые акты фашистской агрессии в Европе. После мюнхенской капитуляции западных держав перед Гитлером и после уничтожения независимости Чехословакии Брехт написал для постановки своей пьесы в "Свободном немецком театре" в Швеции пролог и эпилог, обобщавшие смысл пьесы в свете больших событий европейской истории.

Действие пролога происходит на юге Франции, после поражения республиканской Испании, в концентрационном лагере для испанских беженцев. Среди интернированных - Тереса Каррар, ее сын Хосе и брат Педро Хакерос. Последний беседует с французскими часовыми о событиях в Европе: "Часовой. Может быть, вообще нет смысла сражаться? Чехи не сражались, ну и их, конечно, разгромили. Но вы сражались, и вот вы тоже разгромлены. Зачем же тогда сражаться?.. Рабочий. Наилучший ответ могла бы вам дать та женщина, но она не знает вашего языка. Это моя сестра. Она жила с двумя сыновьями в маленьком рыбацьем поселке в Каталонии. Мальчик - один из ее сыновей, тот, что остался в живых. Она тоже задавала вопрос: зачем сражаться? Она это спрашивала не до самого конца, но очень долго, почти до конца. И многие, подобные ей, задавали этот вопрос - зачем сражаться? -

очень долго, как и она, - почти до конца. И то, что они этот вопрос так долго задавали, было одной из причин того, что нас разгромили, - вот как! И если вы когда-нибудь будете задавать этот вопрос, как она, то и вы будете разгромлены..." Один из часовых просит Педро рассказать историю его сестры, после чего пролог переходит в действие пьесы, а сама пьеса оказывается не чем иным, как сценическим рассказом Педро Хакероса.

Эпилог очень краток: "(Концентрационный лагерь в Перпиньяне. Рабочий за колючей проволокой закончил рассказ. Часовой, читавший газету, протягивает ему сигарету). Рабочий. Да, так пошла Мария Каррар в бой против наших собственных генералов и против всего мира, часть которого им помогала нас задушить, а другая часть состояла из зрителей. И так она была побеждена, и ее винтовки снова исчезли в каком-то подполье. Часовой, читавший газету. Ты думаешь, что когда-нибудь они снова будут оттуда извлечены? Рабочий. Я уверен в этом, ибо она теперь знает - зачем сражаться" (цит. по кн.: Werner Mittenzwei, Bertolt Brecht, Berlin, 1962, S. 390-392).

Первое представление состоялось в Париже 16 октября 1937 г. Режиссер Златан Дудов, в роли Тересы Каррар - Елена Вайгель. Сбор со спектакля поступил в фонд помощи республиканской Испании.

21 мая 1938 года - премьера в Праге, также на немецком языке. В ролях: Шарлотта Кютер - Тереса Каррар, Эрвин Гешонек - Педро Хакерос, Эрих Фройнд священник.

В 1938 г. - постановка в Копенгагене с Еленой Вайгель в заглавной роли.

В 1939 году состоялась в присутствии Брехта уже упомянутая премьера с прологом и эпилогом в Вестеросе (Швеция). Режиссер - Курт Трепте, художник Ганс Тромбок. Затем пьеса была поставлена в столице Швеции Стокгольме под руководством режиссера Германа Грайда.

После второй мировой войны, несмотря на, казалось бы, снизившуюся актуальность пьесы, она обрела большую сценическую жизнь. В ГДР с 1948 по 1962 г. она была поставлена в пятидесяти театрах и самодеятельных коллективах, в том числе в Лейпциге, Дрездене, Эрфурте и т. д. 16 ноября 1952 г. состоялась премьера в театре "Берлинский ансамбль". Режиссер - Эгон Монк, художник - Хайнер Хилл, в заглавной роли - Елена Вайгель. Спектакль оставался в репертуаре театра в течение трех сезонов.

Пьеса ставилась также и в Западной Германии, в театрах Штутгарта, Ульма, Висбадена. Здесь иногда предпринимались попытки извратить или приглушить политический смысл пьесы. Так, например, западногерманский театровед Карл Ниссен пишет: "В Ульме режиссер Гюнтер Ханке (май 1956 г.) приложил усилия к тому, чтобы сделать фронты анонимными и тем самым достичь вневременности" (Cari Niessen, Brecht auf der Bühne, Köln, 1959, S. 63).

Пьеса пользуется популярностью и успехом за границей, особенно во Франции, где с 1956 по 1961 г. она была поставлена в семнадцати театрах - в Париже, Марселе, Лионе, Тулузе, Лилле, Дижоне, Руане и т. д. Она ставилась также в Польше, Швейцарии, Венгрии и других странах.

В Москве пьеса была поставлена в 1958 г. в театре имени Евг. Вахтангова на творческом вечере Е. А. Полевицкой, исполнявшей в спектакле заглавную роль.

Стр. 280. Прорвутся ли пароходы с продовольствием через английскую блокаду? - Под предлогом так называемой "политики невмешательства" английский и французский флот проводил блокаду республиканской Испании, не допуская помощи ей извне. В то же время гитлеровская Германия и фашистская Италия беспрепятственно оказывали помощь мятежникам и открыто осуществляли интервенцию в Испании.

Стр. 282. ...в Овьедо было восстание. - В октябре 1934 г. в городе Овьедо (Астурия) вспыхнуло восстание рабочих-горняков, жестоко подавленное войсками и полицией.

И. Фрадкин